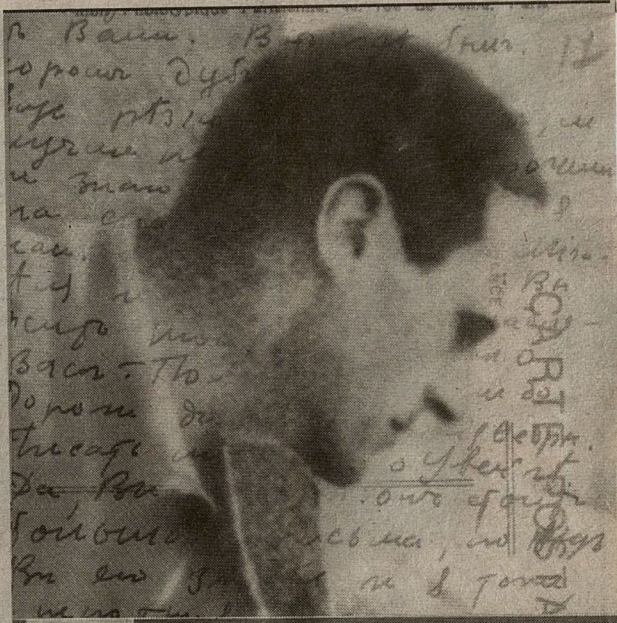
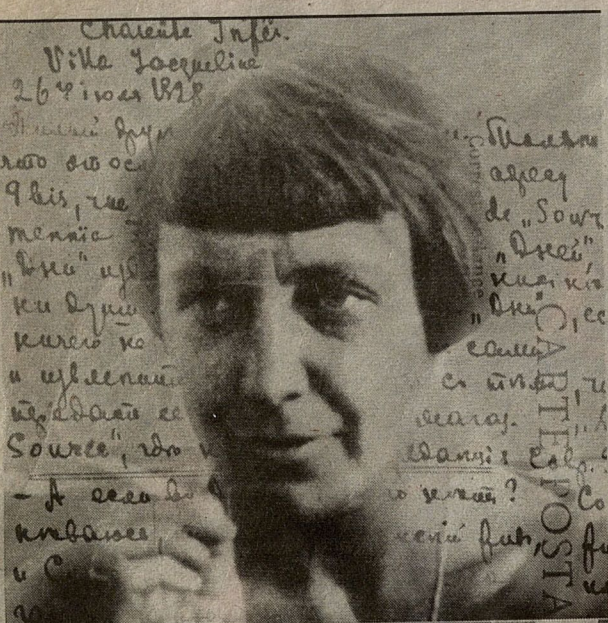

Двадцатипятилетний поэт **Николай Гронский**, близкий друг Марины Цветаевой, погиб в Париже 70 лет назад. Его памяти Марина посвятила стихотворный цикл «Надгробие»

МАРИНА ЦВЕТАЕВА
НИКОЛАЙ ГРОНСКИЙ

Несколько ударов сердца

МАРИНА ЦВЕТАЕВА
НИКОЛАЙ ГРОНСКИЙ

Несколько ударов сердца

Федра ушла от Ипполита

Издательство «ВАГРИУС» выпустило книгу «Несколько ударов сердца», своего рода роман в письмах, которыми Марина Цветаева и Николай Гронский обменивались с 1928 по 1933 год.

Ольга МАРТЫНЕНКО

«...Всю жизнь напролет пролюбила не тех, — признавалась Марина Цветаева. — Из равных себе по силе я встретила только Рильке и Пастернака. Одного — письменно — за полгода до его смерти, другого — незримо». Ее муж Сергей Эфрон с оттенком понятного неудовольствия писал, что отдаваться с головой своему урагану было для Цветаевой воздухом жизни. Кто является возбудителем этого урагана — неважно: «Громадная печь, для разогревания которой нужны дрова, дрова, дрова...»

18-летний поэт Николай Гронский появился в парижский период жизни Марины Цветаевой, когда она работала над пьесой «Федра». «Наколдовала», замечает исследовательница ее творчества Анна Саакянц, Юноша годился Цветаевой в сыновья: чем не сюжет из древнегреческой трагедии о несчастной мачехе (Федре), восплаившей преступной страстью к пасынку (Ипполиту). Только здесь чувства были взаимны, а роли перевернулись. Покончила с собой не Федра (Цветаева), ей это, увы, еще предстояло, но совсем по другой при-

чине, а Ипполит (Гронский), без малого 70 лет назад погибший в парижском метро. Лишь бедная его мать догадывалась, что это было самоубийство (вероятно, из-за депрессии). Она же по просьбе Марины вернула ей письма сына. Цветаева посвятила памяти возлюбленного стихотворный цикл «Надгробие», статью «Поэт-альпинист» (Гронский был профессионалом в этом виде спорта), рецензию на единственную книжечку его стихов, которая вышла в Париже в 1936 году тиражом 300 экземпляров.

Как писала Марина Ивановна, ее глубоко тронуло, что молодой человек пришел к ней попросить одну из ее книг, которых уже не было в продаже. Николай жил с отцом и матерью одно время по соседству с Цветаевой в парижском пригороде. И потому приглашение от Марины: «Милый Николай Павлович, чтение Федры будет в четверг, в Кларе, у знакомых. Приходите в 7 ч., поужинаем вместе и отправимся в Кларе пешком...» Встречи с Гронским на протяжении трех лет скрашивали жизнь

Цветаевой. «Мой родной мальчик! Я в полном отчаянии от всего, что нужно сказать Вам: скажу одно — не скажу всего — значит не скажу ничего — значит хуже: раздроблю все... И все-таки говорю, потому что еще жива, живу. Когда умрем, заговорим МОЛЧА». А пока Цветаева говорит своим страстным непримиримым голосом: «Получила от Т.Л. Сухотиной «La verite sur la mort de mon pere» — читали? По-моему, мягко. М.б. как дочь обоих, и не могла иначе (мог же однако Аксаков, как сын обоих, — в Семейной хронике!). С<офия> А<ндреевна> встает только-несчастная. Дана мать, жена, но не дана лгуны, сладострастная старуха, нечисть. Он бежал не только от ее рук, рыщущих, но и от ее губ, целующих (ИЩУЩИХ — лучше!) Такая жена Толстому — за грехи молодости!».

Гронский исполнял множество поручений и просьб Марины Ивановны, вплоть до таких: «Милый Николай Павлович, большая просьба, у нас беда с водой... Не зашли бы с инструментами (если есть) сразу после завтрака (завтракать не зову, ибо

обнищали...»). Через Гронского Цветаева передавала свои стихи в газету «Последние новости», где работал его отец («Надеюсь достать из Праги мои юношеские стихи... прокормлюсь ими с год, если не больше...»).

В книгу, составленную и отредактированную Еленой Коркиной, вошли 99 писем Цветаевой (ранее было опубликовано 61) и 44 письма Гронского (не печатались никогда). Письма взяты из архива Марины Цветаевой РГАЛИ, куда их передала в 1975 году дочь поэта Ариадна Эфрон, наложив запрет на публикацию до 2000 года. В приложении к сборнику представлена «Альпийская поэма» Гронского «Белладонна», а сам он, по словам Елены Коркиной, по зрелости мыслей и чувств в этом эпистолярном равноправен Марине Ивановне.

«Он любил меня первую, а я его последним. Это длилось год. Потом началось неизбежное при моей несвободе — расхождение жизней: а весной 1931 года и совсем разошлись: наглухо», — подвела печальный итог переписке и всему роману Марина Цветаева в 1934 году.

МН

248